

Апошняя кніга прафесара Э. Дарашэвіча «Мае ўспаміны» пабачыць свет цягам 2021 года. Яе вельмі чакаюць яго сябры, калегі і вучні, для якіх Энгельс Дарашэвіч назаўжды застаецца прыкладам самаадданасці адвечным каштоўнасцям навукі, духоўнасці, справядлівасці і сапраўднага патрыятызму.

Каментарыі:

1. Праз асабісты жыццёвы досвед, а таксама досвед сваёй сям'і Э. Дарашэвіч быў вельмі дэталёва знаёмы з такімі з'явамі, як: Варшаўская бітва (польск. 'cud nad Wisłą'); «масавая каллектывізацыя» БССР; эвакуацыя, халакост, мінскі антыфашыскі рух і Сталінградская бітва падчас II Сусветнай вайны; антысемітызм, сталінізм, пераследы дысідэнтаў і іншадумцаў, дээтнізуючы і рэгрэсіўны кантроль айчынай навукі спецслужбамі СССР; «парад суверэнітэтаў» і яго наступствы; эміграцыя постсавецкіх інтэлектуалаў і асаблівасці іх адаптацыі на Захадзе; наступствы для навуковай супольнасці з'яўлення інфармацыйнага грамадства і глабалізацыі; лёс традыцыйнай культуры і яе абаронцаў-навукоўцаў на постсавецкай прасторы і г. д.
2. Пра даследаванні фальклору, пераважаючыя ў асяродку т. зв. «вузкіх спецыялістаў», у 1997 г. у прэніях наладжанай БелППК (Беларускім інстытутам праблем культуры – установай, створанай на хвалі тагачаснай беларусізацыі культуролагам і музыкам У. Скараходавым) VI Еўрапейскай канферэнцыі Міжнароднай арганізацыі па народнай творчасці (IOV) «Народная культура ва ўмовах сучасных перамен у розных рэгіёнах Еўропы» [7] выказаўся запрошаны з Нямеччыны фалькларыст, а таксама адзін з актывістаў IOV Ёрг Рап [7, с. 102–104]: «Ноты, фота, песні, танцы, казкі... Вельмі добра, але – дзе светапогляд, міфалогія, архетыпы, глыбінныя культурныя сэнсы і стэрэатыпы?... Чаму мы за *дрэвамі* не бачым *гаю*?».

Спіс літаратуры:

1. Антология педагогической мысли Белорусской ССР / ред. колл. Э. Дорошевич, М. Мятельский и др. – М.: Педагогика, 1986. – 460 с.
2. Говард, М. Сучасная культурная антрапалогія / Майкл Говард. – Мінск: Тэхналогія; Беларускі Фонд Сораса, 1995. – 478 с.; іл.
3. Гош, П. Homo sapiens появился на 100 тысяч лет раньше, чем считалось ранее / Паллаб Гош // Bbc.com [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://www.bbc.com/russian/features-40197707>. – Дата доступу: 08.04.2020.
4. Дарашэвіч, Э. Тэорыя фальклору: вучэб.-метадыч. дапам. / Энгельс Дарашэвіч. – Мінск: БДУКМ, 2016. – 78 с.; іл.
5. Дорошевич, Э. Очерк истории эстетической мысли Белоруссии / Энгельс Дорошевич, Владимир Конон. – М.: Искусство, 1972. – 319 с.
6. Культурная спадчына: Культуралагічна-сацыялагічныя даследаванні Э. Дарашэвіч, Ул. Конан і інш.; уклад, нав. рэд. і аўт. прадм. – праф. Э. Дарашэвіч – Мінск: ВТАА «Сучаснае слова», 2001. – 168 с.
7. Народная культура ва ўмовах сучасных перамен у розных рэгіёнах Еўропы: Матэрыялы VI Еўрапейскай канферэнцыі Міжнароднай арганізацыі па народнай творчасці (IOV) (23–24.09.1997, Мінск). – Мінск: БелППК, 2001. – 110 с.
8. Тагор, Р. Гитанджали: Жертвенные песнопения = Gitanjali: Song Offerings / Рабиндранат Тагор; худ. Г. Поплавский. – Минск: Маст. літ., 2006. – 135 с.
9. Clark, G. World Prehistory: An Outline / Grahame Clark. – Cambridge: Cambridge University Press, 1972. – 319 с.

Евгений Руцкий

**БИОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
ЖИЗНИ ПРОФЕССОРА ЭНГЕЛЬСА
ДОРОШЕВИЧА
(1931–2020)**

Evgeny Rutsky

**BIOGRAPHICAL RESEARCH OF THE LIFE
OF PROFESSOR ENGELS DOROSHEVICH
(1931–2020)**

Статья основана на интервью, взятом автором у белорусского учёного Энгельса Дорошевича в 2012 году. Она посвящена обстоятельствам, в которых Э. Дорошевич сформировался как личность, а также как чуткий и эрудированный исследователь истории отечественной науки, оригинальный философ, признанный теоретик культуры и фольклора.

This article is based on an interview taken by the author of the Belarusian scientist Engels Doroshevich in 2012. This article is devoted to the circumstances in which E. Doroshevich was formed as a person, as well as a sensitive and erudite researcher of the history of science, philosopher, theorist of culture and folklore.

Введение. Данная публикация имеет в своей основе интервью, которое было взято мной у белорусского философа, культуролога и педагога Энгельса Дорошевича в 2012 г. Оно потребовало 5 встреч, в ходе которых было сделано около 12 часов аудиозаписей. Я перевел их в текстовый формат, систематизировал и снабдил своими ремарками. Часть повествования была переработана с целью лучшей подачи, часть – приводится в виде точных заковыченных цитат. С одной стороны, получился автобиографический монолог, с другой – биографическое исследование, полное взаимоотношений героя со средой и эпохой. Я публикую эту работу в знак доброй памяти о профессоре Э. Дорошевиче, но читателям, возможно, не совсем ясно, зачем так скрупулёзно погружаться в детали. История, однако, актуальна тем, что ее можно помнить и рефлексировать. Даже в самом частном виде она способна быть репрезентативной и поучительной, поэтому все зависит от того, как читатель выстраивает с ней собственные взаимоотношения.

Происхождение, семья, имя, раннее детство. В современную эпоху не всегда возможно понять, в какой степени человека способно детерминировать его происхождение, однако и игнорировать эту сторону не стоит. Мать Э. Дорошевича, Ревекка Израилевна Дорошевич (в девичестве – Раскина), родилась в 1905 г. в крестьянской семье в д. Очесо-Рудня Гомельской области. Дедушка был стекольщиком, бабушка – домработницей. Помимо матери в семье было ещё три брата. Ревекка окончила медицинский факультет Московского университета и стала врачом-специалистом по промышленной санитарии. Отец, Дорошевич Константин Михайлович, родился в 1896 г. в д. Ходосы Новогрудского района. Его семья была чисто крестьянская, однако известно, что она принимала участие в сплаве леса по р. Неман, плоты с которым гнали до Кёнигсберга. К. Дорошевич ушел добровольцем на Первую мировую войну. Затем некоторое время жил

в Петрограде. Стал членом коммунистической партии России в 1919 г. Многие годы он провел на красноармейских фронтах, а потому хорошо разбирался в военном деле. «Воевал отец лет десять. Помню, что читал в детстве его книгу “Войсковая разведка”». В 1938–1939 гг. отца назначили председателем райисполкома в г. Любча, куда маленький Энгельс ездил из Минска отдыхать летом. Накануне войны отец работал в военном отделе Совнаркома Беларуси.

У К. Дорошевича брак с Ревеккой был вторым. Его первая жена умерла, оставив дочь Клаву. Клава приходилась Э. Дорошевичу сводной сестрой, была старше его на пять лет. В 1942 г. Клава была отправлена на работы в Германию. В её жизни было несколько браков, после которых в Германии остался сын; одна дочь сейчас живет в Беларуси, другая – в Украине. Клава умерла в 1997 г. В 1931 г. Константин и Ревекка встретились в Крыму. Отец там отдыхал после боев, а мать приехала по путевке. В октябре того же года в Минске появился Энгельс. По свидетельствам матери, имя родители давали вместе. Точно не известно, читал ли К. Дорошевич труды Ф. Энгельса, однако в то время портреты Маркса, Энгельса и Ленина были на транспарантах на всех демонстрациях, а «Сталина тогда ещё не носили...».

«Как жилось с таким именем – вопрос довольно сложный. Я по мере приобретения каких-то знаний, конечно, интересовался Энгельсом, и по возможности что-то читал. То, что попадалось – читал во время войны, потом читал Энгельса на немецком. Бывали моменты, когда мне имя казалось утомительным. Дети постарше говорили: “А где же твой Маркс?”. Даже на работе, когда я был кандидатом уже, любили почесать языки насчет моего имени».

В детстве Э. Дорошевич мечтал стать поэтом. В свои шесть лет (1937) он написал стихотворение «Четыре друга», которое вполне может отражать дух того времени. Четверо друзей – это Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин: «Четыре друга были смелы, / Четыре друга были сильны, / Четыре марксиста к победе вели, / Четыре марксиста к победе привели. / Первый марксист жизнь открыл, / Вторым марксист рабочих поднял, / Третьим марксист революцию взнял, / Четвертым марксист рулем управлял». Этот стих даже посылали в детский журнал «Мурзилка» в Москву, откуда прислали ответ с пожеланием пробовать писать дальше.

О детской жизни и семейном времяпровождении Э. Дорошевич говорит следующее: «У мамы был очень хороший голос, она пела, отец подпевал, и я с ними часто пел. Песни были русские народные, белорусские, советские, мне больше нравились народные. Я очень любил песню «Вдоль по улице метелица метет, за метелицей мой миленький идёт». Ещё в доме были польские пластинки, и я их слушал».

Юному Энгельсу с детства прививали аккуратность, приучали к взаимопомощи. Родители его не били, однако нотацию могли прочесть («не выйдешь на улицу» и т. п.). «Отец любил меня водить в парки, катать на всяких каруселях, в 1938 или 1939 г. он мне купил велосипед, и я катался». Вопрос о национальной идентичности в семье не поднимался: «Родители говорили на русском, отец, видимо, знал немножко польский, они считали себя советскими людьми».

Начало и время Второй мировой войны. Родители Энгельса и его сводная сестра Клава перед началом войны жили в Минске на Проводном переулке, недалеко от железнодорожного вокзала. Они арендовали деревянный дом, в котором проживали также две другие семьи.

«Я был в пионерском лагере накануне войны, это возле Пухович – Талька. Когда начались налёты, мы дня четыре ходили-скрывались по деревьям. Затем подошёл поезд с открытыми платформами, забраться маленькому было невозможно – меня подхватила молодая женщина, очень много маленьких детей осталось. Поехали на Могилев через Осиповичи. В Осиповичах я видел горящие здания, бронепоезд стоял, я написал такое стихотворение: “Мы ехали с пожарища / Посреди пути / Стоял красавец броневой – звезда на его груди. / Повсюду бомбы падали, / Был черный небосвод, / Я знал, что отправляется тот богатырь на фронт”».

Война началась, когда Энгельсу было 9 лет. Родители не знали, что его эвакуировали, а потому разыскивали. «Отец на мотоцикле поехал за мной в эту Тальку. Когда он приехал, там уже были немцы. У него отняли мотоцикл, а их, всех приехавших, там было пару десятков, поставили к стенке. Дело в том, что какой-то солдат сопротивлялся с пулеметом, и убил несколько немцев. Они объявили по громкоговорителю, что если тот, кто убил немцев, не выйдет, то будут расстреляны все заложники, в том числе и мой отец. Тогда солдат вышел, его расстреляли, их отпустили. Отец очень сильно переживал – меня-то он не нашёл! Назад в Минск он шёл пешком несколько дней...».

«В Могилеве нас разместили в каком-то клубе, дали одеяла, были там дней пять». Из Могилева эвакуация продолжилась, в купированных вагонах 9-летнего Энгельса отправили в Россию. О местонахождении сына отец и мать по-прежнему ничего не знали. Война разделила и родителей – мать мобилизовали как врача, отправив сразу в Ратомку, а потом в Россию, тогда как отец оставался в Минске. «Из Могилева мы попали в Пензенскую область, г. Кузнецк, там был детский дом. Мама меня нашла там где-то через четыре месяца. Приехала, забрала и повезла на Волгу, в г. Хвалынский. Там был госпиталь, она там работала врачом, и мы там жили около года. Затем её послали в Сталинград, мы ехали зимой по Волге 90 км на санях, несколько дней и ночей, приходилось бежать – было холодно, мороз был до минус 30°. В Сталинград переехали, когда пленили Паулоса, февраль 1943. В 1944 г. мама заболела тифом, и я ходил на базар – носил ей творожок, сметанку. Паёк тогда был довольно ограниченный – крупа, скромные консервы. Потом выдавали «ленд-лиз» (помощь союзников), куда входили тушенка, консервированные сосиски, какао, сгущенка – казалось очень вкусно... Я находился в Сталинграде до освобождения Новобелицы, куда отправили работать мать. Это был городок под Гомелем. Гомель был тогда ещё оккупирован. Нас бомбили, и однажды бомба попала рядом с нашим домом. Я очень четко помню, что мама меня прикрывала, и волна нас отнесла из одного угла в другой. Была ещё ситуация такая, что мы отсиживались в щелях, у каждого дома была щель. И вот я помню свои детские ощущения – абсолютно никакого страха, а рядом сидит мужчина, лет тридцати, под сорок может быть, и жутко трясётся. И я вот думаю, боже мой, что же он так боится? Вот это очень интересное детское ощущение. Я спрашиваю у других детей – дети не боятся так, как взрослые, особенно мальчики. Мы прекрасно знали, что бомба может попасть, знали, что нас может убить, может покалечить, но состояние ребенка – это состояние человека, который преодолевает этот страх. Вот странно, странно, но это факт – я никогда не боялся смерти, будучи ребенком, чего я не могу сказать о взрослом состоянии. Детская душа – она не дрожит. Я абсолютно не боялся смерти».

Во время войны ужасная смерть постигла отца Э. Дорошевича, который был связан с военной организацией – Первым минским подпольем. Как говорит сам Энгельс: «Я знаю уже из печати – их планы были в 1941 г. вооружить лагерь для военнопленных, поднять восстание и захватить Минск. Немцы сумели внедрить разведчиков, и даже дали подпольщикам возможность с оружием войти в этот лагерь, который находился в районе Парка Челюскинцев. Там очень много убили-перебили, но отцу каким-то чудом довелось уйти. Военное подполье было разгромлено. Отец скрывался где-то несколько месяцев, но его схватили. Когда он пришел домой, его выдала соседка. И всё. Он находился в заключении в Смоленском СД г. Минска. Единственно, что бабушка говорила, когда его схватили, он говорит: “Ну хорошо, дайте поужинать”. Они ему якобы дали поужинать, яичницу она ему сделала. Он сказал: “Да ничего-ничего, разберутся и всё, я вернусь”. Он был человеком сильным, но там так издевались, какие там пытки были. Его родная сестра Лида ходила носить передачи, и один раз она его увидела

– это было что-то жуткое – она долго даже не жила после этого. Видимо, пытки были, он абсолютно поседел. Это был где-то февраль 1942 г. Оттуда всех убитых отвезили в Тростенец. Примерно похоронен в братской могиле в Тростенце».

Мать не знала ничего о судьбе отца до 1944 г. Летом 1944 г. из Новобелицы Энгельс с матерью возвратился в Минск. «Мы долго ехали в Минск – больше десяти дней. Товарный вагон. Все время пропускали эшелоны. Ехали солдаты и пели, совсем молодые, их спешно бросали на фронт. У нас закончились продукты. Бегали в сад за яблоками. Один раз за яблоки какой-то парень стал стрелять вверх наших голов. . .»

«В Минске наш дом сгорел в 1944 г. после бомбардировки. Нам дали метры на санстанции, общежитие что ли, одна комната. Я там даже кроликов разводил – я их вырастил, но резать не сумел, отдал. . . Очень большое влияние оказала война, я всегда вспоминал эти годы, повлияло на мировоззрение и общий склад мышления, на то, что я стал задумываться о проблемах жизни и смерти, о чем-то вечном. Конечно, это произвело очень большое впечатление на всю жизнь».

О школе. «В школу пошел в семь лет. До войны окончил два класса. Сразу в Минске учился в школе № 18. Девочка была во втором классе, в которую влюбился. Учился в школе во время войны в Кузнецке и Хвалынске, я там окончил какой-то класс, третий. В Сталинграде пошел в четвертый класс – в феврале начинали учёбу. . . После войны пошёл в школу № 42 Минска, в которой закончил десятилетку в 1948 г. В той школе учились “туру минской интеллигенции” Ким Хадеев и нобелевский лауреат Жорес Алфёров. У нас элитная школа была. Был выдающийся физик, которого вспоминает Алфёров, Яков Борисович. В старших классах я хотел стать поэтом, писал сочинения в стихах. По гуманитарным дисциплинам у меня были высокие оценки, а физика-математика – 4–5. У меня был гуманитарный склад. . . После войны дети всё время возились с оружием, некоторым отрывало пальцы в школе. Мы ходили и стреляли из винтовки-обреза. Но я был достаточно дисциплинированным школьником – увлекался лыжами, домашними гириями».

Обстановка и семья после войны. «Мама нашла себе друга-мужа после войны, он работал на заводе Ворошилова. Его звали Волохянских Евфим Яковлевич, он был начальником литейного цеха. Мне тяжело было, что отца нет, но, тем не менее, у него было два ордена славы. Мама его знала до войны – он давал ей рекомендацию в партию – она всё-таки вступила. У него вся семья погибла, воика был хороший, минёр, прошёл всю войну. Постепенно складывалось взаимопонимание, и я могу сказать о нём только хорошее. . . После войны мы снимали квартиру на Беломорской, недалеко от Академии наук. Я пешком ходил в школу. . . Минск после войны был страшный, это были зияющие развалины. Ходили слухи, что в этих развалинах – недобитые немцы, полицейские. Тогда же пленные немцы много строили, восстанавливали Минск. . . В городе было много немцев, у них режим был не такой жесткий – они могли ходить покупать на толкучках. В 1945–1953 годах много немцы строили, местные относились терпимо. Браков с пленными не было, но были во время оккупации. С ними обменивались, но у меня прямых контактов не было, они работали отдельно и жили в определённой зоне. Говорят, что проспект во многом был построен немцами. . . На базарах были инвалиды, калеки, но не голодали – пошли репарации, Россия подбрасывала, получали еду по карточкам».

О сталинских репрессиях. «Когда они были, я был детсадовец – школьник 2-класса. Я могу с напряжением сказать, что люди шептались, и я только сейчас понимаю, почему они шептались. Не знаю, знал ли отец про репрессии, были разговоры о войне, никто не говорил о советской власти. В школе не помню, чтобы что-то было связано с репрессиями, а вот в университете я уже столкнулся с этими проблемами – у нас был один парень, у которого была репрессирована мать, а раньше отец, и мы с ним разговаривали, и тогда у меня уже возникли серьёзные сомнения в правильности курса Сталина. В университете тема репрессий поднималась, но очень конфиденциально – между людьми, которым можно было доверять. Ходили слухи, что некоторых вызывали в КГБ за такие разговоры. Мы тогда знали уже, что многие были политзаключенными. Например, биолог Вавилов».

Университет. «Уже в школе начинали прикидывать – кто куда. Большинство выпускников пошло на политехнический факультет, часть поступили на физмат. Мне захотелось пойти на философию, мне она нравилась. После войны философия была престижной, очень велика была роль идеологии и мировоззрения. Воспитывать людей нужно было с мировоззрением, отчего роль философии очень возрастала. Может быть, ещё подсознательно на меня повлияло имя. Поступил хорошо, конкурс был 2,5 человека на место, это был 1948 г. Сдавал русский (сочинение), белорусский и историю. Я поступил в 16 лет и учился до 21 года. . . В то время не подрабатывал, жил на стипендию, помогал родителям. Стипендии очень хватало, она была порядка половины зарплат хорошего рабочего. В университете я был членом комитета комсомола, в партию вступил уже после защиты диссертации. Просто так интеллигенту вступить в партию было невозможно, был лимит. У меня особого желания не было, но если предложили – надо было вступать. . . Комсомольская работа в вузе состояла в изучении аналитики, мы устраивали праздники. Воздействие идеологии в то время было противоречивое. Я узнал на 1–2 курсе про политзаключенных и репрессии. Я считал, что есть настоящий марксизм и его извращение, и с друзьями мы об этом говорили. В моем окружении были критические высказывания о власти. Это были обычные люди, которые на кухне могли говорить о несправедливости, акций мы никаких не предпринимали. . .»

«Когда я был на 3 или 4 курсе, у меня была девушка – Люда Булгакова с геофака, мы встречались. Не сложилось, встречался года три. До неё очень нравилась Наташа с философского факультета. Я её упустил по ранней молодости – она вышла замуж за другого уже на втором курсе». Много позже она станет второй женой Энгельса Константиновича. Комментируя его влюбленность, она ему говорила: «Если бы ты тогда мне только сказал. . .»

«Я правильно понял принципы университета – посещал журфак, филфак, физмат. У нас были хорошие преподаватели, все они защитили кандидатскую, как правило, в Москве. Довольно основательно я познакомился с немецкими и русскими философами. Философия давалась в материалистическом и диалектическом аспектах. Был популярен Гегель, но не все его понимали. . . Лейбниц, Томас Мор. Писал курсовую по Лейбницу, диплом – по сигнальным системам Павлова, в юности это была моя главная тема». Сигнальными системами молодого Энгельса увлек преподаватель Протасеня Фёдор Фёдорович. «Я даже хотел затем поступить в военно-медицинскую академию. Потом Протасеня был на кандидатской вторым оппонентом».

О жизни и учебе после университета. «Весь 1954 г. я провёл в Ленинграде. Мне предложили пройти курсы преподавателя общественных наук, это что-то вроде повышения квалификации. Я жил на Мытнинской набережной, 5. Со мной в комнате жили человек 10 – было много иностранцев из стран “народной демократии”. Каждый день на протяжении целого года я ходил в Эрмитаж. По плану я изучал каждое искусство – английское, немецкое, голландское и т. д. Наибольшее впечатление на меня оказали залы итальянского искусства. Особенно поразили две картины Леонардо – “Мадонна Бенуа”, которая напоминала возлюбленную в 5 классе, и “Мадонна Литта” – она была уже настоящей женщиной. Запомнилось “Святое семейство” Рафаэля, мраморная скульптура Микеланджело “Скорчившийся мальчик” в стиле “ноу-финито”. Очень понравился ренессансный венецианский художник Тициан. . .»

«После приезда в Минск меня уговаривали перейти в обком комсомола. Я сказал, что я хочу заниматься научной работой, и меня отправили в Горькую академию. Там я по распределению полгода вел семинары по марксизму-ленинизму. Я прекрасно это воспринимал,

поскольку вокруг были молодые девушки, они мне писали записочки, а одна все время меня вызывала в коридор, и тут же обнималась. Так что у меня марксизм-ленинизм был просто как специальность. Эта девочка хотела, чтобы я стал её мужем, ее мама была знакомой моей тети, и они уже сочиняли планы, я вовремя покинул это дело».

Аспирантура. «Ещё в 1953 году я знал ученого секретаря института философии и права Академии наук Николая Алексютовича, он и сагитировал меня в аспирантуру. Я подал документы в БГУ и АН. В итоге пошел в АН. Алексютович познакомил меня с героем СССР Е. Мазаник, которая подложила бомбу под В. Кубз, а не под его жену Лору и трех мальчиков, в АН она была заместителем директора библиотеки...». «В аспирантуре у меня был руководителем бывший ректор БГУ И.С. Чимбург, это он мне предложил работать по Плеханову, тогда как я предложил французский материализм. Выбрали тему “Г.В. Плеханов о французском материализме”. И раньше и сейчас я отношусь к Плеханову весьма положительно. Плеханов свободно писал на французском, немецком, и даже на английском, ссылался на Гольбаха, Гельвеция. Во время обучения в аспирантуре я вновь ездил в Ленинград, и работал несколько месяцев в т. н. “доме Плеханова” – это филиал библиотеки Салтыкова-Щедрина. Этот домик был отдан под архив рукописей и книг Плеханова. Помню, мне удалось найти его неопубликованные рукописи на французском, который я не знал, и я их очень добросовестно перерисовывал. Я сделал две общие тетради, а в Минске мне помогли перевести эти рукописи девочки из лингвистического. Там Плеханов пропагандировал революцию “без суматохи”, т. е. без крови. Он абсолютно завуалировал ту бомбу, которую он подложил под монархию. От написания диссертации я получил большое удовольствие, начал учить французский язык...».

«В аспирантский период я публиковался в “Известиях АН”, “Трудах молодых ученых”, писал в газеты “Знамя юности”, “Чырвоная змена” и пр. Аспирантской стипендии хватало на безбедное существование. Я домой приходил только спать – остальное время проводил в библиотеке... Я был на военных сборах, это был второй курс аспирантуры. Попал в десантные войска, и там я прыгал с парашютом. Первый раз я прыгал без всякого страха, а второй раз было страшновато. Говорят, что это была инициатива Жукова – создать специальные группы, знающие иностранные языки, нас выбрасывали в леса на ночь, интересная школа была... Я защитился через три месяца после окончания аспирантуры, защищался вместе с Бадаковым, бывшим ректором Гродненского университета».

Личная жизнь. «Я не считаю, что главное в жизни любовь, главное – творчество. У меня была неудачная первая любовь, но она была фатальной. Женился сразу в 26. Это было какое-то странное уже желание иметь детей. Дело в том, что до того я попал на воздушно-десантные сборы, и там я убедился, что жизнь – это очень хрупкая вещь. И когда я подумал, что я могу разбиться, у меня никого не останется, то где-то внутренне созрело решение иметь детей. Познакомился с девушкой, которая заканчивала медицинский институт, Натальей Лукинишной. Дочка Людмила появилась довольно быстро – мне было 27. Через 18 лет я развелся с первой женой. Развод был очень тяжелый – не дай бог никому. Я дочку всегда любил, и даже очень, очень переживал, когда развелся, но она была взрослой – окончила 10 класс. В принципе, она приняла сторону мамы, но я продолжал с ней встречаться. У неё уже дочка (моя внучка), которая защитила диссертацию по математике. Вторая жена, Ната Ивановна Макарова, была моей первой любовью. Мы поженились в 1978 г., и она стала сразу же помогать мне с докторской. У меня есть и внуки, которые не мои по крови, но я их воспитывал – дети дочки второй жены, они живут в Америке».

После защиты кандидатской. «После защиты мне предложили стать научным сотрудником, сразу младшим, потом старшим. Это был Институт философии АН, сектор истории философии Белоруссии. Заведующим сектора был литовец Сербentas, вернувшийся из ссылки, в которой пробыл около 19 лет. Мне сразу сказали, что надо будет написать историю философии Беларуси – от Адама до наших дней. Я занимался периодом с конца XVII по начало XIX в. ... Работал вместе с В. Конаном. Мы были просто старшими научными сотрудниками в одном секторе, друзьями не были близкими, были очень хорошими приятелями, друг к другу очень хорошо относились. Мы сотрудничали в творчестве, он был мой земляк. Он – из Вересково, это в 3 км от деревни моего отца. Это судьба. Вместе мы писали историю эстетической мысли Беларуси. Мы искали. В частности, я нашел А. Довгирда. Мы составили план работы и отправили в издательство “Искусство”, там его приняли. В. Конан занимался самым древним периодом и новейшим. Я занимался Возрождением, Контрреформацией и Просвещением, романтиками занимались вместе».

Докторская диссертация. Энгельс Константинович защитил докторскую по прошествии 26 лет после кандидатской. «Тогда очень сложно было защитить докторскую, тогда для докторской по гуманитарным наукам надо было набрать очень большой материал, надо было убедить отдел и директора института, что это действительно докторская, надо было быть благонадежным, а не каким-то оппозиционером и т. д. Когда я разрабатывал А. Довгирда в АН, тогда и предопределилась докторская. В 2011 г. вышла монография “Философская и социальная мысль Беларуси эпохи Просвещения”, которая – полностью переизданная докторская».

Я защищался в БГУ, потому что в АН не было защиты по истории философии. И мне защититься очень помогла моя жена – Ната Ивановна Макарова. Она читала докторскую, вносила замечания, редактировала, проверяла ссылки. После защиты работал там же – в отделе истории философии. Защищать было сложно, особенно зафиксировать работу как докторскую, чтобы она была одобрена».

Про СССР при разных руководителях. «Про сталинские репрессии я узнал в университете, у меня было отношение к Сталину довольно критическое. Я, конечно, публично, как и другие, этого не высказывал, но мой выбор, скажем, Плеханова, не случаен, потому что он критиковал бонапартистский принцип руководства державой. Плеханов был социал-демократом, но в западном понимании. Я внутренне поддерживал Плеханова, а не Сталина... При Хрущеве нам показалось, что это значительная смена власти, он критиковал Сталина, допустил некоторую свободу мысли, мы стали свободно высказывать некоторые воззрения, но, конечно, мы не дорастали до того, чтобы понять глобальные ошибки коммунизма. Я считал, что Маркс правильное учение разработал, что Плеханов шел правильным путем – он предлагал демократию, но вместе с социализмом. Я не был коммуныя, преданный, я был сторонником социал-демократии, марксизм я принимал, но его извратили бонапартистским направлением. При Хрущеве стало жить лучше, неплохие зарплаты, главное – свобода высказываний, обсуждений. Правда, это недолго длилось. Мы – дети оттепели. Свобода мысли появилась, а вот свобода критики господствующих элит не поощрялась. Я в это время увлекся кибернетикой и написал в соавторстве с математиком Л. Пешесом и физиологом Б. Вильнером «Очерки о кибернетике» (1965). Через полгода Япония запросила эту книгу, ее перевели на японский язык и издали там, нам это очень льстило. Японский профессор написал предисловие. Это было толчком для изучения японского языка, я изучал его целый год... При Брежневе был такой анекдот: “Как живете? По-прежнему...”. Для меня это было все равно, мы уже стали безразлично относиться к власти... Андроповщина... Мы боялись ходить в рабочее время в пивные, в основном выплавляли в пивных. А до этого, конечно, ходили. Мы же творческие работники, у нас же свой режим... У нас шутили о Горбачеве так: “До туалета не дошел, а процесс уже пошел”».

Мир Академии наук. «В 1980-е гг. в АН было много проблем, прежде всего финансовых, но это позже. Мы успели! Конан, я, филолог Майхрович, Подокшин – мы писали коллективные книги, сделали 4-5 книг, некоторые – совместно с литовскими коллегами, среди которых Романас Плечкайтис, Бронис Гензелис и другие... В середине 1980-х Президиум АН утвердил наш коллектив на госпремию БССР. Мы получили, но директор Евгений Бабосов очень быстро предложил её сдать в Фонд Мира, мол, это будет хорошо для престижа института. С не очень большим желанием, но мы отдали эту премию... Развал СССР на АН повлиял существенно. Аппарат сразу завелся – все это было действительно стрессом. Мнения были разные – одни были большими сторонниками новизны, другие были против, а также были те, кто выделял позитивные и негативные элементы. Я относился к последним. Мы все испытывали определенный шок – нам стали урезать фонды зарплаты, поговаривать о сокращении целых отделов, шли разговоры о том, что надо научиться зарабатывать. Мы договаривались о том, кто и когда пойдет в длительный отпуск, кто на 50 %, кто на 80 %. В общем, не дай бог.

Была предложена новая форма руководства АН – директора должны были избираться демократическим голосованием. У нас директором был Е. Бабосов, ставленник ЦК, но после голосования его сменил Д. Широканов. В АН была традиция, что докторам давали отделы, но Широканов сказал, что для меня места начальника отдела нет. Тогда всем разрешали идти туда, куда мы сами желаем – это называлось «Юрьев день». Поскольку Е. Бабосов проиграл, он решил создать свой институт социологии. У него была договоренность, и ему дали возможность быть директором-организатором. Я перешел к Е. Бабосову в сектор социологии культуры, это было начало 1990-х. И с тех пор я работал примерно 10 лет заведующим сектора социологии культуры. Я как бы сменил специальность. Социология культуры – это нечто другое, пришлось на ходу учиться. В моем секторе работали около десятка человек (А. Вардомацкий, В. Оргиш и др.), а задача стояла выяснить межнациональные отношения на территории Беларуси.

Отношение к белорусскому национальному возрождению в АН было разным. Что касается меня, то я всегда с В. Конаном говорил по-белорусски. Что касается независимости, я ее нормально воспринял. Что касается БНФ, то я относился к нему настороженно. С моей точки зрения, З. Позняк – авантюрный руководитель. Я его лично знал, но он повел себя, мне кажется, несколько вызывающе, потому что он начал смеяться в открытую над марксизмом. В частности, он позволил себе даже смеяться над моим именем как-то, когда мы просто проходили. А вообще, лучше бы ему этого не делать, потому что мы (Конан, я и Майхрович) в свое время, рассматривая его кандидатскую, дали ему позитивный отзыв. И после этого он нашел в себе определенную наглость так вот протяжно произносить: «Эээнгельс, Эээнгельс», – а я ему: «Зеенон, Зеенон»... Я работал в совете молодых ученых, где в свое время работал Юрий Ходыко – с ним у меня были нормальные отношения. Он гораздо более умеренный, чем З. Позняк. Я, конечно, в Народный фронт не входил, но в какой-то мере видел, что такие процессы идут».

Университет культуры. «Я параллельно преподавал в университете культуры, лет 25 назад начал преподавать, все время был совместителем. Сначала преподавал марксистско-ленинскую историю и теорию культуры, потом просто культурологию. Я был на кафедре истории искусства, потом на кафедре культурологии, а теперь на кафедре этнологии и фольклора. Я опять менял специальность, я очень мобильный – пользуюсь советом Д. Карнеги каждые 6 лет менять направление. Сейчас культурную антропологию преподаю».

Личные философские взгляды и влияния. В детстве Э. Дорошевич мечтал писать стихи и романы – его всегда привлекал лёгкий и непринуждённый полёт фантазии. В юности эта фантазия сбросила с себя оболочку наивности и детской непосредственности. Она перестала быть сказкой и превратилась в мистику – универсальное творческое начало, лежащее в основе мироздания. Фантазия создаёт мир, и этот мир человек творит сам. Эти рефлексии И. Канта до глубины души поразили молодого Э. Дорошевича, который, уже на первом курсе взялся изучать его «Критику чистого разума» на языке оригинала. С того времени все парадигмы и концепции в глазах будущего учёного обнажились до состояния вызванных человеческой фантазией актов творения. Такая призма зрения на перспективу оказалась невероятно потенциальной, поскольку именно фантазия выступает тем звеном, которое способно связать бытие и сознание, науку и миф, объект и субъект. Снятие через фантазию противоречий между ними впоследствии позволило учёному делать междисциплинарные виражи – искать решения глобальных философских вопросов в мифологических пластах, двигаться от мифа к коренным проблемам человеческого бытия и к современным культурологическим теориям. Не меньшее влияние на Э. Дорошевича в университетские годы оказала метафизика Г.В. Лейбница. «Монадология», согласно которой каждая монада представляет весь мир, а весь мир, соответственно, отражается в одной монаде, показалась ему не только завораживающей, но и удивительно понятной.

Вместе с классиками немецкой философии глубокую симпатию Э. Дорошевича в молодости вызывали некоторые представители философии античности (Платон, Эпикур) и французские философы-материалисты (К.А. Гельвеций, Д. Дидро). В его личности можно обнаружить уникальное сочетание этих философских влияний. От древних греков Энгельсу достались ироничность и лёгкость, естественность и открытость, от немцев – идеалистическое стремление к фундаментальности и универсальности, от французов – интерес ко всему, восприимчивость и деликатность.

Уже в зрелом возрасте сильное впечатление на Э. Дорошевича произвёл М. Хайдеггер: «У Хайдеггера мне больше всего понравилась идея о том, что жизнь надо соизмерять со смертью. Данное бытие есть выражение какого-то универсального бытия, и поэтому наша жизнь – она всегда как шагреновая кожа. Мы должны очень сильно сочетать жизнь с тем, что нам осталось». Драматическое экзистенциальное представление о жизни сочетается у Э. Дорошевича с практически языческим отношением к смерти – как к несущественному и малозначимому факту: «По поводу смерти у меня нет глубоких рассуждений. Мне кажется, как ни наивно это, был прав Эпикур, который говорил, что не о чем беспокоиться, пока ты есть – смерти нет, она будет – тебя не будет».

Изменчивый и динамичный современный мир также с его точки зрения требует спокойного отношения. Современность стоит воспринимать по-своему, интересоваться ею. Нельзя отвернуться от мировых тенденций. Основная задача в жизни современного человека, по мнению профессора, состоит в реализации какого-либо существенного творческого проекта. Пока есть силы, необходимо творить. Каждый этап жизненного пути сопровождается определёнными выводами, из которых выкладывается мозаика личной картины мира. У Энгельса Константиновича есть такие выводы. В них сосредоточена вся квинтэссенция его природы – желания, принципы, сожаления и ошибки. Он называет их «пессимистическими», однако в той же мере они оптимистичны, поскольку в них содержится явный призыв к действию. Вывод № 1 – КОПАТЬ НАДО ГЛУБЖЕ. Это страшный вывод, который обнажает несоответствие между ограниченными ресурсами исследователя и огромным разнообразием мира. Пожалуй, единственный шанс избежать поверхностности, возникающей от увлечения множествами форм, это ограничиться. Но то, как это сделать, пусть каждый решает сам. Нужно чем-то жертвовать ради того, чтобы утвердить свой проект. В каком-то смысле ограничение есть гениальность. Копать глубже – это условие, наделяющее возможностью обнаружить себя, свою концепцию, реализовать свой проект. «Читать мало – надо создавать собственную концепцию. Нет у меня собственной концепции. Может

быть, она и есть, но она звучит фрагментами. Возможно, я ещё сумею её набросать». Вывод №2 – НАДО ОРГАНИЧНЕЕ ЖИТЬ В ТЕМЕ. Пусть даже она будет похожа на нечто абсурдное, всё равно – надо целиком в неё погружаться. Надо ощущать, чувствовать, испытывать всем своим нутром жизненные проекты. С вхождением в эту органику тесно связана одна из наиболее глубоких для самого Дорошевича тем. Именно эта тема является краеугольным камнем его личной концепции. Условно её можно обозначить как неклассическое интуитивно-мистическое постижение мира собственной фантазией. Иными словами, это погружение в духовную сущность жизни посредством творческого начала. «Если это начало получило достаточное развитие в твоей жизни, то ты её прожил не зря». Вывод №3 – НИКОГДА НЕ НАДО ПРИСПОСАБЛИВАТЬСЯ К ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ. Конечно, это чревато, однако не стоит ни о чём сожалеть. Надо жить так, чтобы это было достойно Человека, что, кстати, очень тяжело. Сам человек никогда себя адекватно не оценит. Смысл в том, чтобы он был адекватен своей жизни, получал от неё удовольствие и был самодостаточен. «Я, в принципе, самодостаточен. Я проходил все этапы – у меня сожаления нет. Конечно, есть упреки к самому себе».

Заключение. Биографическое исследование получилось многогранным. Интервью далось непросто – Э. Дорошевич говорил, что я беру у него практически исповедь, и все это достаточно тяжело. Не все стороны ему хотелось показывать, наблюдалось некоторое волнение оттого, что его личное пересечет некоторую грань, за которой что-то из изложенного покажется кому-то предосудительным или же не в том свете, в каком бы он хотел себя показать. Все эти опасения больше ничего не значат. Значимо другое – без данного интервью многие детали уже бы канули в лету, но теперь они оставляют яркое и живое представление в памяти, с которым не сравнится никакая официозная презентация.

Юлія Люкевіч

**«...КАБ ВЫНІКАМІ ДАСЛЕДАВАННЯЎ
МАГЛІ КАРЫСТАЦА І НАВУКОЎЦЫ,
І ЛЮДЗІ, ЯКІХ ЯНЫ Вывучалі» (памяці
Э. К. Дарашэвіча)**

Yulia Lyukevich

**«... IT IS NECESSARY THAT THE
RESULTS OF THE STUDY BE USED
BY BOTH SCIENTISTS AND PEOPLE
WHO HAVE STUDIED» (memory
of E. K. Darashevich)**

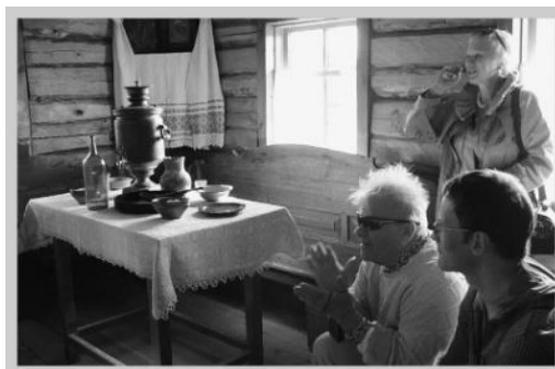
У артыкуле аўтар аналізуе «ініцыяцыю ў рамяство» ад Э. Дарашэвіча – аднаго з заснавальнікаў беларускай культурнай антрапалогіі (у напрамку якой дзякуючы яму, а таксама яго сябру і саратніцу З. Мажэйка, інэрцыяльна рухаецца айчынная практычная фалькларыстыка XXI ст.) – навукі, якая адаблена, цвяроза, без комплексаў і ідэалагічных «лейцаў» вывучае людзей і грамадствы, якія нас атачаюць.

In this article, the Master of Arts, graduate student of the NAS of Belarus Yu. Lyukevich analyzes the «initiation into the craft» of E. Darashevich, one of the founders of Belarusian cultural anthropology (in the direction of which, thanks to him, as well as his friend and colleague Z. Mazheyko, domestic practical folklore 21st century moves by inertia) – a science that is liberated, sober, without complexes and ideological «reins», studies the people and societies that surround us.

Энгельс Канстанцінавіч быў фенаменальным выкладчыкам. Ён уразіў мяне сваёй энэргічнасцю і харызмай з першай лекцыі. Прафесар востра адчуваў актуальны час, відавочна небяспечны для традыцыйнай культуры ды яе аксіялагічнай асновы, на яго думку, знітаванай з выжываннем чалавечтва ўвогуле і беларусаў як народа ў прыватнасці. Тэмы, якія абмяркоўвалі, былі важнымі і актуальнымі, а яго заняткі заўжды хацелася наведаць, бо прысутнічалі мы (фальклорны гурт «Вяснянка» – 2008–2013 гг. – клас дацэнта кафедры этналогіі, кандыдата педагагічных навук Наталлі Петуховай) на іх толькі з задавальненнем: вопыт і майстэрства Э. Дарашэвіча іншага варыянта нам не пакідалі. На лекцыях ён выступаў у ролі выдатнага апавядальніка і падбіраў цікавыя ілюстрацыйныя матэрыялы. Прычым з надзвычай дасведчаным і эрудыраваным прафесарам Э. Дарашэвічам нам было вельмі проста і вельмі цікава весці дыялог: студэнтаў ён не толькі *слухаў*, але і *чуў*.

Малюнак 1 – На дыпломным праекце курса Н. Петуховай – гурта «Вяснянка». БДМНАіП, 2013

Малюнак 2 – Э. Дарашэвіч, В. Лабачэўская, В. Калацэй на дыпломным праекце. БДМНАіП, 2013

Нягледзячы на паважаны ўзрост (мы, дарэчы, заўсёды пра гэты самы яго ўзрост пад націскам яго пазітыўнасці і энэргіі забываліся) прафесар з’яўляўся актыўным удзельнікам выключна ўсіх мерапрыемстваў кафедры этналогіі, звязаных з традыцыйнай культурай. Прычым быў не інертным глядачом, а актыўна прымаў удзел у дзеі, рэканструкцыі абраду, фэсце, нават у постфальклорных вярочках і танцавальных імпрэзах. Нездарма ў яго апошняй на сённяшні момант манаграфіі «Тэорыя фальклору» цэлы раздзел «Фальклор і этнаэкалогія» [1, с. 42–61] прысвечаны постфальклорнай субкультуры, якую